

УДК (47+57):327"192/198"

DOI 10.31.65/2520-6966-2020-13i-99-52-65

О. Ю. Захарова

независимый исследователь, доктор исторических наук, профессор

Политические и протокольные аспекты пребывания дипломатического корпуса в Москве (II половина 30-х годов XX ст.). Визит И. Риббентропа (1939 г.)

Актуальность исследования заключается в том, что 1939 год занимает особое место в истории международных отношений в связи с подписанием в этом году договора между Германией и СССР, положившего начало новому мировому порядку.

Используя опубликованные источники и материалы Архива внешней политики РФ, автор изучает особенности пребывания, с точки зрения истории норм международного протокола, дипломатического корпуса в Москве в указанный период.

В статье рассматривается развитие протокольной службы Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), анализируется зависимость протокола от приоритетов внешней политики государства. Особое место отводится изучению протокольных норм в период переговоров германских и советских дипломатов, в частности, обсуждению выбора костюма для официальных приёмов. В конце 1939 года фрак как официальная протокольная одежда сотрудников НКВД на приёмах с участием дипломатического корпуса был официально отменён коллегией.

Немецкие дипломаты – одни из самых активных участников дипломатической жизни в столице СССР. Используя дневниковые записи заведующего протокольным отделом В. Н. Баркова, автор в хронологической последовательности перечисляет главные (с точки зрения развития протокола) события дипломатической жизни в Москве в 1939 году.

Особое место отводится изучению протокольных аспектов визитов в СССР И. Риббентропа, в честь которого давались приёмы, устраивались банкеты, был дан спектакль в Большом театре.

Автор пришел к выводу, что протокол не только помогает выстраивать дипломатические отношения, но и указывает приоритеты внешней политики государства, что особенно ярко проявилось в отношениях советского руководства с германскими представителями во время пребывания Риббентропа в Москве. Совокупность протокольных норм продемонстрировала приоритеты кремлёвских вождей в сфере международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, дипломатия, дипломатический корпус, протокол, переговоры, визиты, приёмы.

Дипломатический корпус – это совокупность отдельных, независимых друг от друга дипломатических представительств, которых объединяет место пребывания и род деятельности. Дипкорпус не является юридическим лицом, но с учётом международных традиций он признаётся в качестве "определённого общественного института с ограниченными функциями". Дипкорпус не может выступать с политическими требованиями перед Правительством, коллективные протесты отклоняются как неправомерные, а коллективные выступления допускаются только в области церемониальных вопросов, если они не носят политического характера. "Дипломаты следуют в этих вопросах помимо указаний своих правительств, установившимся в дипкорпусе традициям".

Особое место в дипкорпусе отводится его дуайену – старшему по времени прибытия и вручения верительных грамот иностранного посла.

Дуайен дипломатического корпуса консультирует коллег по вопросам местного протокола, взаимоотношений с властями страны; поддерживает контакт с правительственными кругами и протокольной службой; передаёт информацию от местной протокольной службы членам дипкорпуса (извещает о мероприятиях и т. п.); выступает на церемониях, передаёт поздравления и соболезнования; организует проводы коллег, вручение подарков и т. п.

Роль дуайена позволяет дипломату установить прочные контакты в политических, деловых и общественных кругах.

В первые годы после Октябрьского переворота, несмотря на сравнительно небольшое число иностранных дипломатов в Москве, нормам протокола и жизни дипкорпуса уделялось особое внимание.

В СССР при проведении любого мероприятия следовало учитывать особую иерархию партийной номенклатуры. Протокольное старшинство было следующим: председатель ЦИК, председатель Совнаркома, народный комиссар по иностранным делам, другие наркомы, секретарь ЦИК, заместитель Наркоминдела СССР, наркомы РСФСР, другие заместители наркомов СССР, члены коллегии наркоматов СССР, члены Реввоенсовета, заместители наркомов РСФСР.

Несмотря на активную деятельность Протокольного отдела НКВД, было бы слишком смело заявлять о том, что к середине 30-х годов наблюдается тенденция закрепления норм дипломатического протокола, которые относятся как к церемонии встреч и проводов иностранных делегаций, так и к правилам поведения самих дипломатических работников, аккредитованных в Москве.

В этом отношении весьма показательна встреча 1 февраля 1935 года польского поверенного в делах с представителем НКВД, который требовал у польского дипломата объяснений поведения некоторых членов дипломатического корпуса, которые во время проведения одного из официальных мероприятий сидели во время "пения нашего гимна" [1, л. 1].

В ответ на это польский дипломат заявил, что он полагал, что "исполняется не гимн, а поется партийная песня". Слова "Интернационала", по его мнению, не имеют характера гимна, а являются песней революционных рабочих с призывом к свершению буржуазии. Поэтому гимном он считал музыкальное исполнение и в торжественных случаях всегда вставал. В данной ситуации речь шла не об исполнении гимна при появлении Калинина в его честь, как главы государства, а о пении "Интернационала" в честь Сталина, как вождя пролетариата.

В ответ на доводы польского дипломата представитель НКВД заметил, что такие объяснения только ухудшают сложившееся положение. "Слова "Интернационала" не нравятся представителям буржуазных государств так же, как и нам не нравятся слова многих национальных гимнов, в особенности монархических. Но соблюдение норм международной вежливости заставляет наших представителей всегда вставать или обнажать головы при исполнении гимнов. Что сказала бы польская власть, если бы наш советский представитель в Варшаве при пении польского гимна в честь Пилсудского демонстративно сидел на том основании, что Пилсудский не является формальной главой государства?" [1, л. 2].

В свою очередь дипломат заметил, что в СССР не разработан "протокольный церемониал" [1, л. 2], который определял бы, в каких случаях дипломаты должны вставать, тем более что за границей он много раз слышал пение "Интернационала" на разных языках, и все понимали, что это революционная песня.

Советская сторона продолжала настаивать, что в данной ситуации никаких правил не требуется, так как всем и так ясно: при исполнении гимна нужно вставать.

Еще одной претензией со стороны НКВД к дипломатическому корпусу являлось нежелание дипломатов стоя приветствовать советских вождей. В частности, когда при открытии съезда зал овациями встречал Ворошилова, то многие дипломаты встали со своих мест, так как лично знакомы с Ворошиловым, но когда начались овации незнакомым им лицам, в частности Сталину, то они не поднимались.

По итогам этой беседы НКВД принял решение не делать представления соответствующим посольствам (при исполнении "Интернационала" не встала примерно половина дипломатов, в том числе представители Германии и Японии, на что обращено особое внимание в донесении), надеясь, что они сами поймут "неправильность своего поведения" [1, л. 4].

В определенных политических обстоятельствах дипломатическая вежливость превращается в "дипломатическое хамство".

29 января 1938 года В. Н. Барков получил инструкцию, утверждённую народным комиссаром обороны, маршалом Советского Союза Ворошиловым по проведению празднования 20-й годовщины РККА.

Советские военные атташе во Франции, Англии, Чехословакии, США должны устроить большие вечерние приёмы, а в других странах, где есть военные атташе (Швеция, Эстония, Латвия, Польша, Болгария, Турция, Афганистан, Китай), "послеобеденный чай". В Германии, Италии, Японии следовало организовать празднование внутри советской колонии без приглашения иностранных гостей. "Чай" в Иране и Финляндии предусматривалось провести полпредам (вероятно, это было связано с тем, что там находились только секретари военных атташе). Только в США, Англию, Францию и Чехословакию для организации приёма принято решение отправить определённое количество водки, вин, икры и т. п. [2, л. 7].

Инструкция Ворошилова очередной раз подтверждает связь протокола с приоритетами в государственной внешней политике, проблемы которой обсуждались дипломатами, в том числе на официальных приёмах. Так, 10 мая 1939 года на приёме у румынского посланника, по случаю официального праздника, около 1 часа ночи английский посол сообщил заведующему протокольным отделом В. Н. Баркову, что получил телеграмму от Галифакса, содержание которой просил передать Молотову (основной смысл послания – ускорение переговоров между СССР и Великобританией) [3, л. 2].

Политические события в Европе продолжали вносить свои коррективы в жизнь дипломатического корпуса Москвы. 14 декабря 1939 года заведующий Протокольным отделом уведомил главу чехословацкой миссии Фирлингера (Чехословакия), что Советский Союз не может "рассматривать" его, как дипломата [3, л. 84]. В связи с этим ему нельзя пользоваться шифром и вести какую-либо дипломатическую деятельность. На вопрос Фирлингера о судьбе чехословацких перебежчиков в регионе Западной Украины и Западной Белоруссии Барков ответил, что не в курсе этого вопроса [3, л. 85]. В

конце беседы Фирлингер пригласил Баркова, как личного знакомого, в гости (Фирлингеру была предоставлена квартира (5 комнат)) [3, л. 86].

Вторая половина 1939 года прошла под знаком дружбы и согласия между СССР и Германией, о чём весьма красноречиво свидетельствует язык дипломатического протокола. Германские дипломаты проявляли по отношению к советским коллегам безукоризненную вежливость, были тактичны и с пониманием относились к проблемам формирования советского протокола.

Так, 21 ноября 1939 года Барков принял I-го секретаря Германского посольства господина Вальтера, который продолжил начатое на обеде у германского посла обсуждение выбора костюма для официальных приёмов. Вальтер спросил у Баркова, какие пожелания будут у НКВД относительно костюма для членов дипкорпуса, то есть какой вид одежды предпочитает советская сторона – фрак или пиджак. Затем немецкий дипломат уточнил свой вопрос – не желает ли НКВД, чтобы иностранные дипломаты были во фраках, а советские – в пиджаках. На последний вопрос Барков дал отрицательный ответ [3, л. 76].

Через несколько дней, во время очередного визита к заведующему Протокольным отделом Вальтер сообщил, что посол известил всех, что он сам будет в пиджаке. При этом немецкий дипломат обратил внимание коллеги на трудности, которые не могут не возникнуть при отмене фрака в случае, когда приглашаются представители НКВД.

В частности, это касалось внешнего вида дам, некоторые из которых не желали надевать длинное платье, если мужчины будут в пиджаках, решив, что дамы в этом случае должны надевать короткие платья (что вызывало недовольство многих дам посольства) [3, л. 76 об.]. Барков ответил, что есть решение руководства, что "мы одеваем пиджак на обеде, о чём мы довели до сведения. Что касается формы одежды для членов дипломатического корпуса, то корпус сам должен принять соответствующее решение. При этом высказал мнение, что, конечно, желательно, в случае, если мы в пиджаках, чтобы другие члены дипкорпуса были одеты так же. Однако последний вопрос должен быть решен самим корпусом. Выразил уверенность, что после обеда у посла, который в этом отношении задаёт тон, трудности не представляются и что г. Вальтер немного преувеличивает. Г-н Вальтер просил меня всё же информировать г-на Потёмкина о некоторых трудностях в этом вопросе" [3, л. 76 об.].

По мнению I-го секретаря германского посольства господина Вальтера, дамы дипкорпуса в Москве одеваются лучше, чем дамы

дипкорпусов в других странах. "В Москве деньги не на что расходовать, ставки у дипломатов повышенные, поэтому дамы, отправляясь летом за границу, заказывают на целый сезон платья" [3, л. 75]. Вальтер в "добродушно-ироничном тоне" высказал Баркову опасение дам дипкорпуса, что теперь они не смогут надеть специально заготовленные парадные платья, так как мужчины будут в пиджаках. В ответ на это Барков заметил, что дамы могут надевать на приёмы и обеды любые платья [3, л. 75].

28 ноября 1939 года на обеде у германского посла приглашенные с советской стороны были в пиджаках, представители дипкорпуса – во фраках, дамы – в вечерних туалетах. "Г-н Шуленбург с удовлетворением отметил, что благодаря г-ну Потёмкину проблема костюма наконец разрешена вполне удовлетворительно – можно теперь быть спокойным за умонастроение дамской части корпуса <...>" [3, л. 77], – заметил в дневнике заведующий Протокольным отделом. Затем Барков отметил, что возможен показ новых фильмов шефам посольств и миссий. "Шуленбург сказал, что теперь, когда уже установлен модус отношений с английским и французским посольствами, можно было бы приглашать всех послов и посланников вместе, хотя, если это можно, было бы желательно делить в таких случаях корпус на 2 части.

Я (Барков – авт.) поинтересовался, что это за модус. Шуленбург разъяснил мне, что через посредников <...> условились, что при встрече немцы, англичане и французы будут ограничиваться лёгкими поклонами издали" [3, л. 78].

В то время, как немецкие, английские и французские дипломаты устанавливали "модус" взаимоотношений, дипломатическая миссия Финляндии в Москве уже 1 декабря 1939 года находилась в полной изоляции, отсутствовала телефонная связь с правительством, с НКВД. Советское полпредство 1 декабря выезжает в Стокгольм [3, л. 79].

В декабре 1939 года немецкие дипломаты по-прежнему являются одними из самых активных участников дипломатической жизни в столице СССР. 19 декабря на приёме во Всесоюзном обществе культурных связей (ВОКС) присутствовали члены немецкого посольства и немецкие корреспонденты. "Немцы остались очень довольны приёмом, ушли из ВОКСа очень поздно (некоторые – около половины третьего)" [3, л. 88].

Немецкие дипломаты веселятся в ВОКСе, а эстонский и литовский посланники, а также секретарь латвийской миссии добиваются приёма у Сталина, чтобы поздравить вождя с 60-летием [3, л. 88–89]. Всем им было рекомендовано отправить личные письма И. В. Сталину.

Следует отметить, что, с точки зрения дипломатической вежливости, дипломаты, аккредитованные в Москве, были не обязаны оказывать Сталину официальные знаки внимания, так как тот не занимал, как заметил иранский посол "никакого официального руководящего поста в системе советского государства" [3, л. 90], поэтому, не получив никаких указаний со стороны дуайена дипломатического корпуса, он не поздравил Сталина с 60-летием.

Дневник заведующего Протокольным отделом В. Н. Баркова свидетельствует о весьма интенсивной жизни дипкорпуса в Москве в 1939 году.

13 мая – приём посланников Норвегии, Швеции.

17 мая – на концерте С. Прокофьева присутствовали посланник Норвегии с дочерью, 2-й секретарь посольства США с женой, замнаркома НКВД В. П. Потёмкин.

19 мая – завтрак у норвежского посланника в честь Потёмкина (приглашен Прокофьев с супругой) [3, л. 5–7]. В 17 часов – чай у поверенного в делах США Груммонна (просмотр американского фильма "100 и одна"), присутствовал весь дипломатический корпус.

20 мая на приёме в ВОКСе должна была состояться встреча советских композиторов с китайской делегацией. Гости прибыли в ВОКС точно в 8 часов вечера. Что касается приглашенных композиторов, то вовремя пришел только Лев Книппер, через час подоспели ещё несколько человек. Мурадели – через 1 час 45 минут. Всего на приёме присутствовало только пять композиторов. Это "безобразия неорганизованности" не осталось незамеченным для гостей [3, л. 7].

23 мая – обед у германского посла.

25 мая на открытии Сессии Верховного Совета СССР присутствовали послы Германии, Японии, Англии, Ирана, посланники Норвегии и Эстонии, представитель посольства США. В тот же день на объединённое заседание Верховного Совета и Совета Национальностей прибыли английский посол, секретарь Германского посольства, поверенный в делах Франции и другие [3, л. 8].

27 мая на приёме в посольстве Афганистана по случаю национального праздника независимости присутствовал весь дипкорпус. Афганский посол был недоволен отсутствием Ворошилова и Будённого от Наркомата обороны.

18 июня – чайный приём на даче у бельгийского посланника.

19 июня – на премьере "Абессалом и Этери" в Большом театре присутствовал весь дипкорпус, за исключением немецкого посла с семьёй.

21 июня – чайный приём у турецкого посла, гости отметили отсутствие французского и английского послов.

6 июля на вечерний приём у немецкого посла приглашение получили все послы и посланники, а также, что особенно отмечает Барков, "простые технические сотрудники с женами". После вручения призов победителям в теннисном турнире были организованы "холодный буфет" и танцы.

18 июля на "параде физкультурников" присутствовали все главы дипломатических миссий, поверенные в делах, советники, первые секретари посольств, военные атташе. Барков отмечает отсутствие японского посла, а также ранний уход французского и английского послов, а также то, что афганский посол "очень веселился", когда увидел, как мальчик, одетый в красноармейскую форму, вёл "трёх разбитых японцев" [3, л. 16]. Негативную реакцию у представителей дипломатического корпуса вызвало присутствие 2 сотрудников НКВД в середине 1 ряда, зарезервированного для послов и посланников (обычно они находились в конце ряда, в проходе).

29 июля на вечерний приём у афганского посла приглашены немецкий посол, датский и греческий посланники и др. Барков отмечает присутствие супруги английского посла. После фуршета – карты.

2 августа на открытии сельскохозяйственной выставки присутствовал весь дипкорпус, за исключением французского посла и греческого посланника. Гости осмотрели узбекский, грузинский, дальневосточный павильоны и павильон механизации. Раньше всех ушли немецкий и японский посланники.

9 августа на английском пароходе в составе группы из 30 человек прибыли английские и французские военные представители.

21 августа 1939 года советник польского посольства сообщил по телефону в НКВД, что заместитель министра земледелия Кравульский выезжает на сельскохозяйственную выставку из Варшавы 23 августа.

Этот день – 23 августа – упоминается и в воспоминаниях Иоахима фон Риббентропа, министра иностранных дел Германии в 1938–1945 годах: "23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, на котором рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности первым заместителем наркома иностранных дел СССР – Пер.) Потемкиным. Обойдя строй почётного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление своим внешним видом и выправкой, мы в сопровождении русского полковника направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего пребывания в Москве" [5, с. 140].

Во время беседы в посольстве с графом Шуленбургом Риббентропу сообщили, что сегодня в 6 часов его ожидают в Кремле, но кто будет вести переговоры – Молотов или Сталин – сообщено не было.

В конечном итоге в переговорах участвовали Сталин, Молотов, граф Шуленбург и Риббентроп, а также два переводчика. В начале беседы Риббентроп высказал желание Германии "поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших интересов во всех областях; мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок, при этом я сослался на речь Сталина весной [1939 года], в которой он, по нашему мнению, высказал подобные мысли" [5, с. 141].

В ответном выступлении Сталин согласился, что в своей речи 10 марта 1939 года он сознательно "намекнул" о желания взаимопонимания с Германией. Ответ Сталина был столь позитивен, что уже в начале встречи стороны конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, особенно по вопросу о германо-польском кризисе.

На переговорах, где, по словам Риббентропа, царил "благоприятная атмосфера", были разграничены сферы интересов в странах, находящихся между Германией и СССР. К советской сфере интересов были отнесены Финляндия, большая часть Прибалтийских государств и Бессарабия. В случае возникновения германо-польского конфликта была согласована демаркационная линия по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом германская сторона заверила Сталина, что сделает все возможное, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическим путем [5, с. 141–142].

После того как Риббентроп получил согласие Гитлера, что порт Либгау (Лиепая) входит в сферу советских интересов, были парафированы и около полуночи подписаны Пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол. (Последний был заключен в связи с тем, что германо-советское соглашение нарушало договор между Францией и Россией 1936 года, предусматривающий консультации при заключении ими договоров с другими странами.)

По окончании переговоров в служебном кабинете Молотова был сервирован ужин на четыре персоны, в самом начале которого Сталин неожиданно произнес тост об Адольфе Гитлере как об особо почитаемом им человеке и выразил надежду, что подписанные документы положили начало новому этапу советско-германских отношений.

Следует отметить, что Сталин произвел на Риббентропа сильное впечатление, как человек "необычайного масштаба <...> одно

манование руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, – человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде" [5, с. 143].

В конце приема произошел эпизод, весьма характерный для кремлевской встречи. В ответ на просьбу Риббентропа Сталин согласился, чтобы личный фотограф фюрера сделал несколько снимков (иностранцы не могли фотографировать в Кремле). Когда же Сталин и гости были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин заявил, что этот снимок не может быть опубликован, но, когда фоторепортер передал пленку Сталину, тот вернул ее, заметив, что доверяет немецким гостям и уверен, что снимок опубликован не будет.

По словам Риббентропа, этот случай "характерен для широкой природы наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву" [5, с. 143].

24 августа немецкая делегация вылетела в Германию. Таким образом, нарушив соглашение с Польшей и Францией от 1936 года, СССР вступил в союз с Германией. Английские и французские военные миссии, которые длительное время вели переговоры в Москве, покинули СССР.

В конце сентября 1939 года Риббентроп второй раз вылетел в Москву. Как и во время первого своего визита, он нашел "у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти сердечный прием" [5, с. 158].

Но если в августе 1939 года по случаю пребывания немецкой делегации советская сторона не устраивала торжественных мероприятий, то на этот раз гости из Германии получили несколько "блестящих приглашений".

В Большом театре в честь немецкой делегации давали "Лебединое озеро". "Мы сидели в большой центральной ложе, восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета", – вспоминал Риббентроп [5, с. 160].

По случаю пребывания в Москве в честь немецкой делегации Сталин дал большой банкет, на который были приглашены все члены Политбюро. Поднимаясь по лестнице Большого Кремлевского дворца, где был устроен прием, Риббентроп обратил внимание на картину, где Александр II был изображен с крестьянами после отмены крепостного права. "Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве наметилась

эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм "Пётр Первый", который как раз шёл тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом направлении".

На банкете больше всех, по словам Риббентропа, говорил Молотов, которого Сталин (Риббентроп сидел рядом с ним) подбивал на новые речи. Блюда поражали великолепием, а водка необычайной крепостью. После того как Риббентроп высказал свое восхищение превосходством "русских глоток над немецкими", Сталин раскрыл ему "тайну": сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, как и водка (водка была коричневого цвета).

В течение вечера Риббентроп дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили к нему, чтобы с ним чокнуться. Особенно запомнились ему Ворошилов и Каганович. Советская партийная элита произвела столь сильное впечатление на членов немецкой делегации, что гаулейтер Данцига во время обратного полета сказал Риббентропу, что чувствовал себя просто "среди своих старых партайгеноссен" [5, с. 161].

Вернувшись в Германию, Риббентроп через советника германского посольства сообщил НКВД о своем желании в знак особой признательности к лицам, имевшим непосредственное отношение к организации его пребывания в Москве, передать подарки начальнику личной охраны Риббентропа, товарищу, который встречал Риббентропа "у здания Р. К. Правительства и сопровождал его до кабинета товарища В. И. Молотова, а также им названа фамилия – Павлов (видимо, речь идёт о переводчике с советской стороны на переговорах 3 августа). НКВД просит Вас (Л. П. Берия. – Авт.) сообщить фамилии лиц, указанных выше, чтобы их сообщить германскому посольству" [4, л. 23].

В своих записках о втором визите в СССР Риббентроп пишет не только о спектакле в Большом театре и приеме в Кремле, но и о том, как "прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до того Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны" [5, л. 172].

5 октября 1939 года, в день, когда СССР заключил с Латвией договор о военной взаимопомощи (10 октября подобный договор был заключен с Литвой), секретарь германского посольства Ламла вручил старшему референту по Германии Г. М. Пушкину ноту о прилете в Москву 8 октября германской экономической делегации (на двух самолетах). 7 октября германское посольство известило НКВД, что экономическая делегация прибудет в Москву 8 октября.

Протокол – не только инструмент, но и своеобразный индикатор приоритетов внешней политики государства, что особенно ярко проявилось в отношениях советского руководства с германскими представителями в Москве и во время визита И. фон Риббентропа.

Совокупность протокольных норм в целом продемонстрировала приоритеты кремлевских вождей в сфере международных отношений.

25 сентября 1939 года Барков принял советника германского посольства, который сообщил, что они намерены приезжающего министра и его свиту поместить в здании ближайшей австрийской миссии, а остальных – в отеле. Советник заявил, что нужен прямой провод Москва–Берлин (один аппарат должен находиться в здании посольства, а другой – в австрийской миссии). Также была высказана просьба о содействии в получении провизии через Гастроном № 1 и № 2 для своих гостей.

В тот же день посол фон Шуленбург направил телеграмму в Берлин, чтобы немецкое командование в Варшаве организовало "передачу" сотрудников советского полпредства в Варшаве немецкому командованию под Варшавой, гарантируя им полную безопасность. Барков попросил передать благодарность господину послу за его инициативу по "вызволению" из Варшавы советских граждан, жизни которых угрожает опасность [3, л. 61].

25 сентября состоялся отъезд из Москвы сотрудников "бывшего польского посольства". "... польского посольства больше не существует, как и не существует польского посла", – запишет в дневнике Барков [3, л. 62].

Здесь же он сообщает, что из Берлина поступил запрос, находится ли в Москве чехословацкая миссия, о деятельности главы которой – Фирлингера – проникла информация во французскую прессу. "В Берлине полагают, что существование миссии, к чему г-н посол относится недоверчиво, не соответствовало бы настоящим отношениям между СССР и Германией" [3, л. 62]. Барков уведомил посольство, что дипломатического представителя Чехословакии нет. Представитель посольства "с удовлетворением принял к сведению" это сообщение [3, л. 62].

8 октября Большой театр посетила литовская правительственная делегация, один из членов которой Бизаускас (1913–1915 гг. учился в Москве на юридическом факультете) выразил своё восхищение темпами перестройки Москвы и "монументальностью и красотой новых зданий". Барков отмечает, что члены делегации восторгались развитием союзных республик [3, л. 69].

В начале августа (3–6 августа) 1940 года Литовская, Латвийская и Эстонская Советские Социалистические Республики были приняты в состав СССР.

На протяжении всей истории развития дипломатического протокола менялись его формы, но при этом неизменным оставался тот факт, что протокол является действенным инструментом в построении международных отношений. В то же время анализ протокольных традиций позволяет выявить приоритеты внешней политики государства, нравственные ценности лидеров государств, уровень их воспитания и качество образования.

Литература

1. Архив Внешней Политики РФ (АВП РФ). Ф. 057. Оп. 15. П. 112. Д. 2.
2. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 18. П. 113. Д. 1.
3. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 19. П. 113. Д. 1.
4. АВП РФ. Ф. 057. Оп. 19. П. 113. Д. 4.
5. Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. Москва, 1996.

References

1. *Arhiv Vneshney Politiki RF (AVP RF) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (WUA RF)]* F. 057. Op. 15. P. 112. D. 2.
2. *AVP RF [WUA RF]* F. 057. Op. 18. P. 113. D. 1.
3. *AVP RF [WUA RF]* F. 057. Op. 19. P. 113. D. 1.
4. *AVP RF [WUA RF]* F. 057. Op. 19. P. 113. D. 4.
5. Ribbentrop, I. (1996). *Mezhdru Londonom i Moskvoy [Between London and Moscow]*. Moscow. [in Russian].

O. Yr. Zakharova

independent researcher, the doctor of historical sciences, professor

Political and protocol aspects of the stay of the diplomatic corps in Moscow (II half of the 30s of the XX century). Visit of I. Ribbentrop (1939 y.)

The relevance of the study lies in the fact that 1939 occupies a special place in the history of international relations in connection with the signing this year of an agreement between Germany and the USSR, which laid the foundation for a new world order.

Using published sources and materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the author studies the features of the stay, from the point of view of the history of the norms of the international protocol, of the diplomatic corps in Moscow during the specified period.

The article considers the development of the protocol service of the NKID, analyzes the dependence of the protocol on the priorities of the state's foreign policy. A special place is given to the study of protocol norms during the negotiations between German and Soviet diplomats, in particular, to the discussion of the choice of a suit for official receptions at the end of 1939. The dress coat as official protocol clothing of the NKID employees at receptions with the participation of the diplomatic corps was officially canceled by the collegium.

German diplomats are one of the most active participants in diplomatic life in the capital of the USSR. I use the diary entries of the head of the protocol department V. N. Barkov, the author of the chronological sequence, lists the main (in terms of protocol development) events of diplomatic life in Moscow in 1939.

A special place is given to the study of the protocol aspects of visits to the USSR by I. Ribbentrop, in whose honor receptions were given, banquets were arranged, and a performance was given at the Bolshoi Theater.

The author came to the conclusion that the protocol not only helps build diplomatic relations, but also indicates the priorities of the state's foreign policy, which was especially evident in the relations between the Soviet leadership and the German representatives during Ribbentrop's stay in Moscow. The set of protocol norms demonstrated the priorities of the Kremlin leaders in the field of international relations.

Key words: international relations, diplomacy, diplomatic corps, protocol, negotiations, visits, receptions.

О. Ю. Захарова

незалежний учений, доктор історичних наук, професор

Політичні й протокольні аспекти перебування дипломатичного корпусу в Москві (II половина 30-х років XX ст.). Візит І. Ріббентропа (1939 р.)

Актуальність дослідження полягає в тому, що 1939 рік займає особливе місце в історії міжнародних відносин у зв'язку з підписанням в цьому році договору між Німеччиною і СРСР, який поклав початок нового світового порядку.

Використовуючи опубліковані джерела і матеріали Архіву зовнішньої політики РФ, автор вивчає особливості перебування, з точки зору історії норм міжнародного протоколу, дипломатичного корпусу в Москві в зазначений період.

У статті розглядається розвиток протокольної служби Народного комісаріату закордонних справ (НКЗС), аналізується залежність протоколу від пріоритетів зовнішньої політики держави. Особливе місце відводиться вивченню протокольних норм в період переговорів німецьких і радянських дипломатів, зокрема, обговорення вибору костюма для офіційних прийомів наприкінці 1939 року. Фрак як офіційний протокольний одяг співробітників НКЗС на прийомах за участю дипломатичного корпусу був офіційно скасований колегією.

Німецькі дипломати – одні з найактивніших учасників дипломатичного життя в столиці СРСР. Використовуючи щоденникові записи завідувача протокольним відділом В. Н. Баркова, автор в хронологічній послідовності перераховує головні (з точки зору розвитку протоколу) події дипломатичного життя в Москві в 1939 році.

Особливе місце відводиться вивченню протокольних аспектів візитів в СРСР І. Ріббентропа, на честь якого давалися прийоми, влаштовувалися бенкети, був даний спектакль у Великому театрі.

Автор прийшов до висновку, що протокол не тільки допомагає вибудувати дипломатичні відносини, а й вказує пріоритети зовнішньої політики держави, що особливо яскраво проявилось у відносинах радянського керівництва з німецькими представниками під час перебування Ріббентропа в Москві. Сукупність протокольних норм продемонструвала пріоритети кремлівських вождів у сфері міжнародних відносин.

Ключові слова: міжнародні відносини, дипломатія, дипломатичний корпус, протокол, переговори, візити, прийоми.